

Ахмет Незихи Туран СУДЕБНЫЕ РЕЕСТРЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА (ПОСЛЕ ИХ ОБНАРУЖЕНИЯ)

К сожалению, от истории Крымского ханства, принимая во внимание период его существования (1440-1783), его важность и значение, до нас дошло очень мало источников. История ханства, если можно так выразиться, – несчастная история. Известно, что особая роль в этом принадлежит факту разрушения, разграбления и предания огню столицы ханства – Бахчисарая и ханского дворца в 1736 году [1]. Среди сохранившегося, несмотря на то, что оно составляет ничтожно малую толику имевшегося в наличии, судебные реестры представляют собой чрезвычайно важное собрание. Почти год я работаю с находящимися в Крыму, в библиотеке им. И.Гаспринского фотокопиями шестидесяти одного тома, оригиналы которых, числом около 120 книг, хранятся в библиотеке С.Петербурга. Вслед за сообщением, которое в этой связи было впервые поставлено Халилом Иналджиком на повестку дня первого форума, посвященного турецко-украинским связям (дословно: «Османское государство и Украина»), а затем, будучи опубликовано под заголовком «Обнаружены судебные реестры Крымского ханства», стало достоянием научного мира, я хотел бы, спустя десятилетие, вновь вынести эту тему на повестку дня. У реестров, как источниковедческих материалов, есть своя авантюра, своя история обнаружения, публикации и изучения. Я постараюсь здесь сначала рассказать об этом, а затем о том, «что может быть сделано».

Эти реестры стали одной из первых находок созданной в царское время Таврической (Крымской) ученой архивной комиссии (ТУАК). Издание, в котором публиковались сначала отчеты, а затем и первые исследования Комиссии (ИТУАК), уже в первом своем томе (1887) сообщает в числе прочего и о них [2]; с другой стороны, известный ученый Смирнов, которому принадлежит важная роль в обнаружении дефтеров, в своей работе, опубликованной в том же году, сообщал, что в этом источнике содержатся разнообразные сведения – от строительства корабля до общественной жизни, раздела имущества и домашних вещей, перешедших к наследникам [3].

После Смирнова начинаются публикации документов «Известиями ТУАК». Они представляют собой изданные в разных томах названного издания реестры, выборочно переведенные Мурат-Беем Биарслановым на русский язык из первого дефтера. Биарсланов сначала опубликовал семь мухаллефатов (актов раздела наследства) и три худжета (договора-соглашения), затем несколько ярлыков и прочих документов [4], общим числом не более двадцати. Их публикация совпадает по времени с решением о полной передаче дефтеров в С.Петербург [5].

В 1897 г., после публикации труда Лашкова, становится очевидным, какой глубины могут достичь исследования, если за основу будут взяты эти источники [6]. На самом деле задавшись целью собрать воедино документы, отражающие историю крымскотатарского землевладения, автор помещает в первой части своего труда сначала ханские ярлыки и султанские ферманы из крымского архива, а затем, во второй и третьей частях – документы на землевладение (20 худжетов – договоров-соглашений, 37 илямов-судебных решений и 13 мухаллефатов-актов раздела наследства), содержащиеся в реестрах [7]. Причина меньшего числа мухаллефатов заключается в том, что он выбирал только те из них, в которых речь идет о наследовании земли.

В это время в Комиссию начинают поступать сведения о новых реестрах. К примеру, было установлено наличие дефтера, датированного 1097-1111 годами, относящегося к Мангупскому каддылыку [8]. Точно так же некоторые дефтеры передаются в ханский дворец. Они были зарегистрированы Усеином Баданинским [9]. Баданинский, составивший самый ранний каталог Архива ханского дворца (в 1928 г.), имеющийся сегодня в нашем распоряжении, сообщает шифры двух дефтеров: первый, за номером 507, датированный 1193-1194/1779-1780 годами, записан под именем Эс-сейида Ахмеда Эфенди и относится ко времени Шахин Гирай хана (его язык ошибочно указан как «крымскотатарский»); второй, за номером 508, датированный 1022-1047/1613-1638 годами, относится ко времени трех ханов: Джанбека, Бахадыра и Мехмед Гирая. Особое значение имеет тот факт, что эти сведения относятся ко времени после 1890 года, поскольку после этой даты сообщений о новой передаче дефтеров в С.Петербург или какое-либо другое место нет. Если быть кратким, их сегодняшнее местонахождение неизвестно.

Через четверть века после Лашкова, первую короткую, но систематическую работу пишет Бекир Чобан-заде. Под заголовком «Практика и теория в деле обучения: Воспоминания о Крыме в Ленинграде» («Окув ишлеринде амелият ве назарият: Ленинградда Кырым хатыралары») он объясняет ценность этих дефтеров [10]. Прежде всего, передав в точном соответствии архивную запись на обложке I тома «Переведенные на арабский язык древние кадьяскерские дефтеры, относящиеся к документам по землевладению во времена крымских ханов», Чобан-заде исправляет ошибки, допущенные в этой записи. Во-первых, язык этих дефтеров не арабский, а османский. Во-вторых, они представляют собой собрание, включающее не только документы по землевладению, но и документацию самого разного правового характера (в особенности, худжеты, илямы, сенеды, тереке-мухаллефаты). После этого представляет копии ярлыков и, затем, показывает, что эти документы позволяют очень многое узнать о политической, общественной и, самое главное, экономической жизни, а также литературном языке того времени. В качестве примера он дает полные тексты трех документов, извлеченных из I тома (1608-1613). Они связаны: с попечительством над лавкой, домом и кофейней в Гёзлеве, переданных Гази Гирай ханом в качестве вакуфа, доход которого

предназначался для мудерриса медресе в Салачике, позже прославившейся как «Зинджирли Медресе», и имама соборной мечети Менгли Гирай хана; процессом по освобождению раба и процедурой признания прав собственности. Чобан-заде говорит, что, прочитав эти три документа, мы сможем получить представление о судопроизводстве того времени, о взаимоотношениях между людьми и об отношении административной власти к ним и, наконец, о языке дивана, то есть об официальном языке того времени и о его стиле.

Он указывает, что в особенности те из них, которые связаны с приданым, разделением имущества и процедурой обручения сообщают очень много сведений об экономической, материальной жизни людей того времени. Затем приводит опись одного приданого: зелёная багдадская распашонка, фиолетовый муаровый кафтан, украшенный серебряным шитьём, фиолетовое шёлковое одеяло, длинная расшитая чадра, красная парчовая подушка, флакон для розовой воды, газовая накидка (тюльбанд), полотенце, платок-марама, золотые серьги с жемчугом высокого качества, жемчужные четки, невольник, восемьдесят овец, два вола, два быка.» Таково приданое бахчисарайской девушки среднего достатка в тот период. Если мы будем искать рынки сбыта этих вещей, то непременно выйдем на Стамбул. Следовательно, в то время Крым находился под экономическим влиянием Стамбула», – пишет он.

То, что Чобан-заде больше внимания уделяет социальной и экономической жизни, чем проблемам землевладения, показывает его научные горизонты. Как известно, в те годы, когда была опубликована эта работа (1925), социальная история начала завоевывать всё большую популярность в мире. Точно также во Франции формирование социально-экономической школы и распространение её влияния на мировую историческую науку начинается с 1930-х годов.

Датированная 1927 годом статья В.В.Бартольда, посвящённая рукописям Ялтинского музея, сообщает ещё об одном судебном реестре. Дефтер был найден в селе Ускут. И хотя на нем указана дата 1171 г., он, с большей вероятностью, относится к 1166-1167/1753-1754г.г. Эта работа Бартольда была повторно напечатана в VI томе «Избранных сочинений» В.А.Гордлевского, изданных Академией наук, и, таким образом, в конце 1960-х годов вопрос вновь был поставлен на повестку дня [11].

Последним, значения, которое имеют эти дефтеры для истории и культуры ханства, коснулся Халиль Иналджик [12]. Основной причиной моего интереса стала именно его работа и любезно данные им затем рекомендации. Прежде всего, я должен рассказать о его работе. В начале, опираясь на сведения, полученные от сотрудницы библиотеки им.Гаспринского Наджие Таировой, Халиль Иналджик озвучивает приключения, выпавшие на долю реестров, прежде чем они попали в своем нынешнем виде в библиотеку, в которой она работает. В 1992 г. заведующая Крымского государственного архива Антонина Степанова, став свидетельницей использования их коचेгаром для растопки печи, вмешалась и обеспечила их передачу в Крымский республиканский краеведческий музей. После того, как в музее сказали, что это копии, и что они хранят только оригинальные документы, эти копии стали достоянием библиотеки им.Гаспринского. Познакомившийся именно здесь с такой превосходной коллекцией Иналджик, дав обзор всего написанного о них до сегодняшнего дня, приводит полные тексты 19-ти документов из разных томов, относящихся к разным жанрам, резюмирует их и дает оценку вытекающим из них результатам.

Выше я отметил, что начал работать над 61 томом тетрадей, копии которых находятся в Крыму. В библиотеке им.Гаспринского был составлен их каталог, но он был неполный и содержал ошибки. Занявшись, прежде всего установлением дат начала и завершения тетрадей, относящихся в целом к 1608-1751 г.г., меньшая из которых содержит 37, а большая 255 листов, я составил новый каталог. Затем, в соответствии с кадылыками, составил список, показывающий, какими кадиями они велись. Скажу лишь то, что это были дефтеры, главным образом, Бахчисарая, Карасу и Гёзлева. После этого, чтобы определить, над какими темами можно будет работать, приступил к быстрому чтению. К сожалению, мое время иногда было ограничено; порой, когда я располагал временем, оно совпадало с одним из ставших «притчей во языцах» здешних праздников или же работник архива отпрашивался с работы по причине болезни. В один из моментов дела как будто наладились и, таким образом, начали складываться знания, которые я представлю вам сейчас в виде коротких заметок.

Работавшие с реестрами знают, что эта группа источников представляет исследователю широкий круг сведений. В нашем распоряжении имеются следующие подзаголовки: дипломатика, история культуры, история архитектуры или же искусства, история городов, история сел и крестьянства, специально – история институтов, связанных с вакуфами, – при том, что во главе стоят социальная и экономическая история. Если в рамках реестров ханства эти подзаголовки разместить в политической истории, то мы должны будем обратить внимание на то, что дефтеры откликаются прежде всего работающим над историей Крымского ханства, Турции, России и, наконец, историей Украины, которая безусловно требует более серьезного изучения.

В них также представлены как ханские ярлыки, так и султанские ферманы. К примеру, в датированном 1013/1604 годом фермане Ахмеда I, отправленном бейлербею Каффы Мехмед Паше и кадию Судака, речь идет о письме Гази Гирай хана с жалобой на присоединение доходов одного из вакуфов к доходам с земельных владений каффинского бейлербея. Ферман предписывает отмену сложившегося положения и восстановление прежних прав [13]. Ферманы такого рода показывают измерения отношений между вассалом и сюзереном или, говоря другими словами, наталкивают на мысль, что эти отношения не развивались только в одной плоскости. Различные документы, относящиеся к Каффе, дополняют сведения об этом эялете, санджаке или городе; появляется возможность расширить подготовленную недавно в Турции в ре-

зультате серьезных исследований докторскую диссертацию о Каффе в масштабах эялета [14]. Реестры ханства, конечно же, главным образом относятся к области, занимаемой ханством. Но, как показывает этот пример, они содержат документы, важные и для прибрежной части, находившейся в непосредственном управлении Османов, реестров которой, к сожалению, не сохранилось, и дополняют данные, содержащиеся в письменных источниках.

Если мы займемся изучением какого-либо города в области ханства, например, его столицы – Бахчисарая, то не имеющая себе равных сокровищница – перед нами. Имеется большое количество данных, связанных с созданием, развитием и материальной, административной, социально-экономической историей города до Кучюк-Кайнарджийского соглашения 1774 г. или же оккупации 1783 г., которые ожидают своего осмысления. Возьмем состояние на 1750 год. Вероятно для того, чтобы воспрепятствовать опасности, которая после вторжения Миниха в 1736-1737 г.г. могла вновь прийти с севера, с целью восстановления укреплений Ор-Капу (Перекопа), рытья рвов и для установления наличия необходимых для этих работ кадров, как то: рабочих, поденщиков, извозчиков, каменщиков и др., была проведена генеральная перепись [15]. Благодаря этой переписи, мы получаем возможность изучения мусульманских и немусульманских кварталов города, расселения жителей, имен основных налогоплательщиков – мужчин, их званий и, исходя из прозвищ-лакабов, – занятий, социального статуса (кадий, хатиб, назыр, мудеррис, одабаш, челеби, ага, мирза, аталык, болукбаши, секбан, чауш, хазинедар, мехтербаши, диван эфендис, балтаджи, кахведжи, чёрекчи, тюфенкчи, аттар, касаб, дюльгер и др.) и, в числе прочего, имен вдов. Мы знакомимся с именами обитателей армянского, греческого (румского) и иудейского кварталов, включая членов отдельно зафиксированной православной «майрамской» общины и с присущими только им занятиями (такими, как каменщик, свечник, меняла, ювелир, чеканщик, переводчик). Вернувшись еще немного назад, мы видим русский, черкесский («Черакисе»), цыганский кварталы [16].

Если необходимо дать пример для работ в области истории архитектуры, истории искусства, то ценными должны быть сведения, относящиеся, например, к капитальному ремонту, проведенному примерно через сто лет после возведения в соборной мечети, построенной архитектором Синаном в Гёзлеве; к ее должностным лицам и форме эксплуатации приданного ей вакуфа [17]. Точно также сведения, относящиеся к сооружению соборной мечети Улу Бейим в Бахчисарае [18] (я не смог определить, что это за мечеть и где она находилась) еще более интересны с точки зрения строительных материалов XVIII века, процедуры отчуждения государственной собственности, определение качества предназначенных для использования сопутствующих материалов.

Какие сведения содержатся относительно книг? Важнейшие книги – в дворцовой библиотеке («кютюб-и хани»). К примеру, имеется список книг, представленный в суд в силу необходимости хранителем библиотеки в 1720-е годы Эс-сейидом Атауллахом Челеби [19]. Среди частных книг наибольшее число – принадлежащих таким улемам, как кадий, мудеррис, муфтий. В мухаллефате муллы XVII века Сулеймана Эфенди встречаются названия 34-х трудов. Они относятся главным образом к области религиозных наук; имеются также словари [20]. А у мудерриса Мехмеда Эфенди зафиксирована 51 книга [21]. Список принадлежащих ему книг почти на 50 лет старше предыдущего. Если мы вернемся еще немного назад, то среди книг, переданных шейхом ордена Хальвети Хусейином Эфенди в вакуфное владение основанной им медресе, то встретим также суфийские трактаты [22]. Кроме того, имеется упоминание о книгах «на арабском, фарси и турецком языках», названия которых не указаны. После сопоставления всего этого могут быть сделаны соответствующие выводы.

Социальная жизнь необыкновенно красочна. В наших дефтерах имеются записи о самых разнообразных происшествиях, вплоть до таких, как: жалоба иудея на мусульманина за то, что тот «обругал его, назвав мужем проститутки, жена которого блудит с посторонним»; некая женщина, бросив камень, едва не выбила глаз некоему мужчине [23]; извинение мужчины перед женой после того, как он избил ее и просьба применить к нему наказание, если он повторит такие действия [24]; заявление женщины, муж которой, как становится очевидным, ей уже опротивел: «Пусть разведется со мной; я не требую от него идет, кисвет, сюкна» (т.е. содержания в срок, который женщина должна переждать, согласно шариату, прежде чем получить право повторного вступления в брак; оплату одежды и обеспечения местом проживания) [25]; запрет грекам («румлар»), иудеям и персам («аджемлер») бродить по селам и заниматься торговыми операциями с запрещенными им шариатом женщинами («на-махрем»); сжигание и разрушение питейных домов («мейхане») и кофеен («кахвехане»), рассматриваемых в качестве рассадников зла [26]; рассылка глашатаев в городах с объявлением о предписании племени неверных ношения специальных отличительных знаков [27].

Ещё одной обязанностью кадиев было обеспечение соответствия торгово-экономической жизни законом. С этой целью они проводили ревизии ремесленных организаций, устанавливали цены на различные товары, продаваемые в торговых рядах и на базарах. И благодаря записям, производимым в ходе этих мероприятий, возможно изучение таких тем, как: виды деятельности, существовавшие в Крыму в прошлые века; лица, занимавшиеся ими; количество лавок, производимая продукция, ремёсла и ремесленники. Как результат основного тщательного исследования, мы имеем в распоряжении для конца XVII – середины XVIII веков сведения об именах, представителях, гарантах и количестве лавок ремесленников-свечников (мумджу), хлебопёков (экмекчи), лепёшечников (чурекчи), шелководов (ипекчи), бакалейщиков (баккал), чесальщиков хлопка (халладж), производителей бузы (максымаджи/бузаджи), мясников (касаб), валяльщиков войлока (кечеджи), производителей бязи (беззаз), производителей национального головного убора

– калпак (калпакчи), гончаров – чельмекчи (производивших изделия типа: тести, ибрик, машраба), кожевников – хаффафов (которые выделывали кожи и производили сафьяновые сапоги – мести, тапочки – пабучи, сапоги – чизме, перемётные сумы – хейбе, мешки – чувалы и торбы – «торба»), ковалей (налбанд), мастеров, изготавливающих ножи (бычакчи). Производством свечей занимаются только немусульмане, ремеслом мясника – только мусульмане, или же это отведённые только для них занятия [28].

Что касается продуктов питания, то они представлены в богатом ассортименте и часть из них завозится извне, особенно из Османского государства. Рядом с крымским и простым («саф») мёдом продаётся также анатолийский («асели руми») и, похоже, его качество ниже чем у крымского, поскольку он всегда дешевле. Мясники торгуют на базаре бараниной, говядиной, яловичиной, курдючным салом, нутряным жиром, ребухой, сердцем, печенью, головами. На базаре можно приобрести как сыр, брынзу, сливочное масло, так и различные фрукты и овощи. Очень много сортов винограда: кара, резаки, чувал резаки, чёплюдже резаки, каба резаки, калем резаки, сарыджа, бейлердже, эдремит, кырмызы... То же самое и с инжиром: лоп, калем, сарыджа, табан, Девлет-Гази. Яблоки сортов «тазе», «бал», «руми», апельсины, сливы, финики сорта «Кабе» («Кааба») и другие фрукты [29].

В зависимости от разных тем, количество примеров можно увеличить. Однако сегодня гораздо важнее обеспечить возможность передачи полного комплекта копий этой коллекции в любое место, где над разработкой этих тем будут работать, например, в Крым или в Турцию.

Пер. Нариман Сейтягъев

1. По этому поводу и по поводу уничтожения других источников см.: V.Dubrovski, “Türk Kıyma dair kaynak ve araştırmalar”. Dergi. Sovyet Birliği Öğrenme Enstitüsü, Münih, 2.yıl, 1956, s.53-76.
2. Сообщение члена комиссии Ф.Лашкова о пересмотре Черноморского тарифа 1782 года // ИТУАК. – 1887. – т.1. – с. 25-26. Сведения представленные здесь таковы: «Из документов ханского архива, сгоревшего в 1736 г. сохранились ярлыки и 122 кадыаскерских дефтера». Согласно Дубровскому, число дефтеров сохранившихся от огня, которому были преданы из-за своей «вредности для турков и для общей безопасности» древние рукописи, отобранные от улемов и народа по приказу таврического губернатора в 1833г. – 124. См. ук. соч., с.53.
3. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. – СПб., 1887. – с.XXXIII.
4. Биарсланов, Мурад-Бей. Выписи из Кадыаскерского сакка (книги) 1017-1022 г. Хиджры (1608/9-1613г.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // ИТУАК. – 1889. – т.8. – с. 41-51. Для изданий того же автора под тем же заголовком см.: ИТУАК. — т.9 (1890), с. 68-70; т.10 (1890), с. 74-78.
5. Госархив Крыма (ГА при СМАРК), Ф.27, Оп.1, Д.8340. Этот документ, датированный 1890 г. и содержащий 7 листов, связан с передачей 119 томов реестров из Крыма в С.Петербург. Единственно, в архивной записи имеются странные выражения типа: «Передача *казаскерских(?)* дефтеров *XII (?)* – XVIII веков, *временных(?)* крымских ханов из Таврического архива в Императорскую библиотеку,» – рождающие вопрос: «Что здесь необходимо исправить?»
6. Лашков Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения – Симферополь, 1897.
7. Ук. соч., с.44-56; 56-97; 117-128. Во вступлении он сообщает, что отобрал те, которые посчитал важными; неизвестные ему юридические термины обозначил значком ( ).
8. Протокол заседания Таврической учёной архивной комиссии от 20 июня 1898г. // ИТУАК. – 1899. – т.29. – с. 79-100. Абляким Эфенди, сообщающий, что дефтер находится в руках жителя Бахчисарая по имени Шейх Селями, передаёт некоторые сведения из соответствующего дефтера (с.91).
9. Инвентарная книга Государственного дворца и Музея тюрко-татарской культуры. Бахчисарай, 1928-1929 г.г. Этот каталог содержит 2599 записей. В настоящее время от указанных в них единиц хранения сохранились очень немногие, главным образом учебники Зинджирли медресе. Сегодня ведётся работа по составлению новой описи.
10. Журнал «Окув ишлери», № 4-5, август 1925г., с.15-19.
11. Я воспользовался сведениями Бартольда, приведёнными в указанном сочинении Гордлевского (с.257-261, в особенности, с.261).
12. «Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu», Belleten, LX / 227, Nisan 1996, s. 165-190.
13. Кадыаскерские книги (в последующих примечаниях – КК), I, с. 76 b / 3.
14. Öztürk, Yücel. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475-1600. – Ankara, 2000.
15. КК,72, с.1а, 8а-18b, 23а-30b.
16. КК, 3b, с. 9b/1, 12 a/1; КК, 4, с.15 b/1, 37 b/1; КК, 29, с.3 b/1.
17. КК, 3b, с. 14 a/2.
18. КК, 48, с. 117 a – 118 a.
19. КК, 51, с.61 b.
20. КК, 23а, с. 130 a/1.
21. КК, 66, с.30 b/1.
22. КК, 1, с. 25 a-b.

23. КК, 4, с. 51 а/3, 3 а/2.
24. КК, 1, с. 22 а/5.
25. КК, 4, с.30 а/1.
26. КК, 33, с. 87 б/1, 79 а/1.
27. КК, 36, с. 6 а/2.
28. КК, 36, с. 6 а/3 – б/1; КК, 40, с.2 а/3, 3 а/5 – 3 /1б; КК, 18, с.94а; КК, 59, с. 1а; КК, 62, с. 4а/1-4; КК, 67, с. 31а/1.
29. См. Ведомости цен в разных томах.